

Анатолий Чечик

ЛАБИРИНТ

Я от бабушки ушел,
Я от дедушки ушел...
Русская народная сказка

Мне было 8 лет, когда я ушел от бабушки.

Не хочу учить английский!

Спрыгнул с террасы и растворился в винограднике. Мир начался сразу за дачным забором китайскими пижамами и китайскими зонтиками.

Рыбачки в тельняшках с низкими бычков и рачками в газетных фунтиках.

Древнее племя аборигенов в боевой раскраске лечебной грязью, застывшее, как парковый памятник победившего санаторнокурортного лечения.

Выжженная трава, унавоженная отдыхающими.

Осы над останками эскимо.

Готические замки из мокрого песка.

Синие русалки, синие якоря, синий Сталин, синее солнце над синим морем — татуированная страна.

Море.

Двухтрубный «Адмирал Нахимов» (в девичестве «Адольф Гитлер») на границе воды и неба.

А дальше — Блистательная Порта!

Целый день я бродил по расплавленной Аркадии.

Мир был огромен, но идти было некуда.

Отбой пионерских горнов начинал спорить с морским прибоем — наступало время возвращаться.

Here he lies, where he wants to be.

Home is the sailor,

Home from the sea.

And the hunter home from the hill.

Наш дом стоит на Черепановой горе.

Напротив, через железную дорогу — Батыева гора. Там была ставка хана.

Если у стула отломать заднюю ножку, примотать к ней изоляционной лентой катушку, к ней прикрепить резинку —

получится вполне приличный арбалет.

Путь на Войну лежит через щель

между забором и колючей проволокой во двор кирхи Городецкого.

Ты — за «Немцев», ты — за «Наших».

Кирха заброшенная, в ней какой-то склад. Папки, папки, папки.

Окна выбиты, решетка погнутая. Пыль, сырость.

Дело № ...

Фейга (Фани) Хаймовна Каплан.

Арестована, по делу подготовки покушения на его превосходительство Киевского генерал-губернатора...

Условия конвоирования...

Моя тетка Бася носила передачи. То ли ей, то ли еще кому из эсеров.

Дальше как было.

Когда пришли жандармы с обыском, ее отец спрятал листовки в сапог.

Его не обыскивали, он был раввин.

Война еще не началась.

Вчера зверски разогнали митинг. Есть убитые.

Дом Художника, с Шухаевым на мраморной лестнице, залит водой.

С проспекта Руставели грузовики вывозят обувь — следы бегущего народа.

Кончилась студия графики. Кончился покер по вечерам.

Время сдало другие карты.

У Гелы две пары — «грузины и русские», «наши и немцы».

— Толя, ты за «Наших» или за «Немцев»? Так «русские» стали «немцами»!

Еду на U-бане от Фасбиндера к Шкловскому. От «Alexanderplatz» до «Zoo».

С остановками: Пергамон, Гольбейн, Дюрер.

Мимо Рейхстага, Бабьего яра, Варшавского гетто.

В мертвой зоне между восточным и западным городом категори-ческие граффити — «Communist raus», «Yanke raus», «Jude raus», «Nazi raus».

Наш бранный мир — худое решето,

Которое хотят долить до края...

Возле Zoo, в начале Курфюстендамм среди фонтанов, дорогих ма-газинов и отелей стоит разбитый войной собор.

Как напоминание.

В 1985 я оформлял «Фронт» А. Корнейчука к юбилею Победы.

В финале спектакля на сцену должны были опуститься четыре ставки с победными автографами советских солдат на стенах рейх-стага.

После работы театральным сапожник Леня Тетельбойм — ин-валид детства — поднимался в своей ортопедической обуви на пятый этаж в декорационный цех, «чтоб выпить рюмку водки» со своим другом художником Сашей Кульчицким. Не знаю, по-сле какой рюмки, но в один прекрасный день на «рейхстаге» по-явилась надпись — «ст. сержант Л. Тетельбойм. 1-й Белорусский фронт».

Наша бдительная особистка тут же побежала стучать директору.

— Но они же воевали, — удивился он. Потом вызвал меня и спросил:

— Вы читаете, что у вас там пишут?

— Так что? стереть?

— Нет, но пусть не бросается в глаза.

Auf einmal weiß ich viel von den Fontänen,

den unbegreiflichen Bäumen aus Glass.

Ich könnte reddен wie von eignen Tränen,

die ich, ergriffen von sehr großen Träumen,

einmal vergeudete und dann vergaß.

Vergaß ich denn...

Радуга выросла из Гончаров, огибала Андреевскую церковь и падала на землю где-то во дворе Софии.

Путь домой лежал через «книжные».

Магазин «Дружба» — советская форточка в Мир.

Пешком по Большой Подвальной, мимо кинасы Городецкого, с заходом в «Букинист», и потом вниз по Прорезной.

Морские ежи каштанов с треском разбиваются об асфальт — Bats!

И раскатываются по булыжной мостовой шоколадным драже сладких незнакомых слов:

Gemälde, Geschichte, Kunst, Sztuka, Muveszet, Divadlo.

Каждый каштан — новое имя.

Бац — Csontvary.

Бац — Whieth.

Каждый каштан — новый город.

Toledo — Velence — Praha.

Немецко-чешско-венгерский винегрет в картинках.

Мир огромен и недоступен!

Особенно завораживают карты городов.

Можно пройти по улице Вожирар, где жила вдова нотариуса, потом по набережной Королевы Виктории, мимо Вестминстерского аббатства, свернуть к пьеса Навона, и потом через Карлов мост и Порта-Санта-Мария выйти к Прадо.

Вход 23 евро.

Ты стоишь перед «Менинами» и понимаешь, что никогда в жизни не видел эту картину. От журнала «Огонек» до дорогих альбомов — сто тысяч раз она печаталась. Но на всех репродукциях какойто дру-гой художник. Кто угодно, только не Веласкес!

Прав сукин сын Дали — главное в художнике — Тайна!

Русский музей и музей западного и восточного искусства стоят рядом, Врубель и Веласкес, Эмилия Прахова и инфанта Изабелла. Спинай к ним, лицом к университету, в котором он никогда не учил-ся, повернулся Т.Г. Шевченко.

Шевченковский садик.

Справа Александровская гимназия — Булгаков, Паустовский.

Слева дом Вольфа.

Давай ронять слова...

Мамы с колясками, бороздящие опавшую охру листвы.

Как сад янтарь и цедру...

Пьянящие завитки волос над первыми сережками.

Рассеянно и щедро...

Дешевый портвейн.

Стук шахматных часов до поздней ночи.
 Едва, едва, едва...
 e2 — e4...
 слон g7...
 Юра играет вслепую — я передвигаю фигуры...
 f2 — f4...
 партия 10 рублей...
 ладья d1 — d6...
 У Юры — минута, у соперника — пять...
 конь c3 — b5...
 Через час у нас есть и на портвейн и на книги.

Четыре тома Платона и «Максимы» — это 4500 г. Можно добавить «Расчет деревянных конструкций» — будет как раз 5 кг.

«Три мушкетера», «Статика сооружений», «Блуждающие звезды» и сказки Бажова — 4800 г. Хватит.

Собрание сочинений Фейхтвангера придется разбить на две бандероли.

Вольф Григорьевич Чудновский — библейский Авраам,
 читал нам сопротивление материалов.

Сидит в отказе уже год.

Пока взвешиваем и пакуем библиотеку.

Бандероль не должна весить больше 5 кг.

Вольфу за семьдесят, дышит тяжело.

Два больных сына Дэвик и Гриша.

Два гениальных математика.

Гриша много лет недвижим.

Их будут мучить еще долго.

Вольфа с женой избыют отморозки в подворотне. И только после вмешательства канцлера Австрии их выпустят.

Мы едем, едем, едем

В далекие края.

Мы будем там соседи,

Но будем ли друзья.

Тра-та-та, тра-та-та.

Обменяли паспорта.

Кошку на собачку (за нее дают 50 долларов),

Купим водокачку.
 Весь Синай зальем водою —
 Долг правительству покроем...

Лебединое озеро лежащих верблюдов в пустыне Негев.
 Украинское поле подсолнухов на Голанских высотах.
 Акации с цветами пасхальных яиц.
 Алоэ размером с баобаб.

Вместо надписи: «Здесь был Вася» на стене Храма гроба Господня — крестик неграмотного графа Тулузского, а рядом крестик — Готфрида Бульонского.

Память стен крепче памяти людской.

Люди возвели стены, чтобы те запомнили то, что они могут забыть.

Одной стены может хватить целому народу.

Чтобы уничтожить память, нужно разрушить стены.

Стены объединяют и разобщают,

Стены охраняют и противопоставляют.

Стены разрезают пространство, как волнорезы,

и время разбивается о них,

взрываясь брызгами людских судеб.

Шура пришла в Киев из Мордовии пешком.

Всю семью раскулачили и уничтожили.

Она не знала, что Лавра мужской монастырь,

Что он давно закрыт и стал музеем.

Кочевала из дома в дом, убирая, готовя, нигде подолгу не задерживаясь.

Ей столько же лет, сколько папе, но выглядит намного старше, вся седая.

На правой руке нет указательного пальца.

Шура повесила маленькую иконку на стену, а под ней положила какую-то потрепанную книжку, с одним сохранившимся словом на обложке — завет.

Так у нас на кухне поселился Бог.

Время от времени к Шуре приходит Голос, и они подолгу разговаривают.

Иногда они ссорятся, и она начинает кричать.

С утра Шура идет на базар за продуктами, потом готовит обед. Потом они с бабушкой делают Хежим, и она садится переписывать: «Бог», «благодать», «радость», «красота».

Сначала Шура переписала Детскую энциклопедию, затем Энциклопедический словарь, потом взялась за Историю античного искусства. Когда она пишет, Голос молчит. Прочитать ее записи невозможно. Груды конспектов заполнили всю квартиру.

В воскресенье, после Троицкой церкви, Шура надевает розовое подвенечное платье, купленное в комиссионке за 30 рублей, и странную шапку из белого искусственного меха, похожую на тиару.

Шура — Христова невеста. Все, на чем изображена коммунистическая символика, — уничтожается.

Так погибли хрустальные розетки, в их узоре проглядывала пятиконечная звезда дьявола. Зато Шура очень любит салют на 1 Мая и 7 Ноября. Это небесные цветы в честь Святого духа. Через три года кто-то в церкви сосватал Шуру замуж, за старика нуждающегося в уходе, и она уехала в Москву, наконец-то, обретя свой дом!

Троицкая церковь стояла рядом с цирком. Между цирком и церковью была парикмахерская. Когда привозили слонов, их запах смешивался с запахом шипра и ладана. Напротив церкви стоял Театр Оперетты. Давно нет ни цирка, ни церкви, а театр стоит. В этом театре я оформил свой первый спектакль.

Поздно ночью, после Тусинога дня рождения, мы с Афоней едем домой. В темном такси горят глаза д'Артаньяна. — Сделай мне афишу к спектаклю. Это такси привезло меня на Пражское квадриенналле, а потом на авиньонский фестиваль.

Салют в честь взятия Бастилии разрывал черное небо Прованса, выхватывая из темноты то XIV, то XVII век.

Sur le pont d'Avignon ...
Небольшой театр из Шампани играет в старой трапезной. Спектакль кончается поздно. В свой Рокмор мы не попадаем, и ребята оставляют нас ночевать.

Мы с Ниной укладываемся спать прямо в зале, среди софитов и пультов, на драпировках, на которых Фрекен Жюли только что потеряла свою невинность.

Утром, открыв огромные романские двери, мы выходим в монастырский сад, освещенный Сезанном.

«Жюли» с ребятами принесли нам кофе с круасанами, и мы говорим о театре, о Чехове и Стринберге ...

Идти никуда не хочется. Сейчас начнется жара.

Если вам случится побывать в Испании, или в Провансе — сядьте на лошадь.

И вам станет понятней и Дон Кихот, и д'Артаньян. До солнца рукой подать. Ваша голова возвышается над всем миром. Вы выше олив и апельсиновых деревьев. Вы плавитесь, как пластилин на батарее. Даже небольшая мельница Доде может превратиться в великана. Жара опустошает улицы. Окна закрыты ставнями и жалюзи. Ни души. Тишина и молчание в Арле. Под это молчание сошел с ума Ван Гог. Зато в фонде Ван Гога работает кондиционер.

Папа скопировал «Подсолнухи» и повесил на кухне. Пока это единственное украшение в нашей новой квартире. Феодора и Юстиниан появились позже.

Подсолнухи странные, совсем не похожи на те, что продают на Владимирском рынке.

Я очень люблю, когда мама берет меня с собой на базар. Там есть настоящие лошади. Пряный запах навоза смешивается с запахом квашеной капусты. Светящееся розовое сало с подкопченной шкуркой. Красное море помидоров с тыквенными островами.

Длинные венки лука, как елочные гирлянды.
 Совсем другое дело Дезертирский рынок.
 Ряды молочных поросят всех размеров.
 С ног сшибающий аромат гуды.
 Эротическая чурчхела и горячий шотис-пури.
 Корольки золотые, как зубы азербайджанок, продающих влажную зелень.

И переливающийся водопад винограда.
 Дородный грузин медленно обходит ряды куриных тушек...
 — Ра гирс?
 — Аси монети.
 — Сто рублей?

Покупатель крутит в руках белоснежное благоухающее тельце цыпленка...

— Что ты вертишь, вертишь — покупай или положи.
 — Слушай, я за сто рублей беру женщину и всю ночь верчу, как хочу!

И совсем другое дело Бессарабский рынок.
 Он находится в центре, и туда удобно зайти позавтракать.
 Пройдя весь молочный ряд и попробовав все твороги и сметаны, переходишь к меду и орехам. После работы можно попить легкого молдавского домашнего вина и заесть сочным крымским персиком.

Тут з салом галушки лигали,
 Лемішку і куліш глитали
 І брагу кухликом тягли...

Балансируя в скользком кузове самосвала, уворачиваясь от низких веток, под проливным дождем мы с Сергеем Данченко приду-мывали Энеиду.

Все должно начаться с ярмарки, потом...
 Закрытие сезона. На сбор труппы сегодня мы уже опоздали.
 Потом все странствия... но как?
 Никто не знает, где мы...
 Как скрестить море, Трою, Карфаген, Рим, Украину?
 До Киева всего 60 км, но мы в Белоруссии, и позвонить отсюда практически невозможно.

Хлещет ливень, сверкают молнии, Юнона ссорится с Венерой,
 вот только волны не морские, а днепровские. Ярмарки, гулянья,
 праздники. Музеи, библиотеки — я ищу, сам не знаю что. Пока не
 наткнулся на старое описание ярмарки —
 оглобли возов подняты и на них натянуты тенты,
 укрывающие продавцов и их товар
 от нестерпимого солнца и коварного дождя.
 Решение есть!

Оглобли поднялись, ветер наполнил паруса, и «Энеида» поплыла в
 свое двадцатилетнее плавание.

— Just you will taste the real Portuguese national dishes.

Виктор завел нас в небольшую ташку в Кашкайше.

Нам подали:

смажений потрох з часником,
 кров'яну ковбасу та куліш,
 тільки не з чобіта, а з каміння.

Португалия — страна из кукольного театра.
 Кукольные крепости и кукольные дворцы.
 Архитектура бегущего такелажа и кораллов, с театральной безза-
 ботностью тектоники и пропорций.

Портреты Энрике и Инеш похожи на сказочных персонажей.

И только карта владений на набережной напоминает,
 что империя была настоящей.
 В Коимбре, в начале учебного года,
 во всех домах, где живут студенты,
 на балконах вывешивают черные студенческие мантии.
 Город одевается в траур по прошедшему детству.

Играть нужно не на ширме, а под ширмой.

Ширму нужно поднять.

Куклы планшетные.

Прошли ноги в сапогах, волочитя шашка.

Прошелестела юбка с передником.

Прокатилась тачка.

Мечется потерявшаяся Каштанка.

Мир глазами маленькой собачки.

— Я понимаю, что тебе нравится в кукольном театре, — Лидер оторвался от макета своего города Гюлена, — там можно и актеров придумывать. У меня в Макбете ведьмы тоже ведь куклы.

Мы сидим в мастерской, большая комната в старом киевском доме с окном во всю стену.

Со двора — подвал, с улицы — первый этаж.

Подоконник на уровне тротуара.

Мимо нас актеры ходят в театр.

«Старики» медленно, значительно, с пафосом несут себя.

«Молодые» стремительно, жадно, иногда виновато.

— Вы завтра придете?

— Если будет жареная картошка.

Ты картошку жарить на олиии, или на сале?

Дан Даныч знает толк в жареной картошке.

Он знает, как ничто превратить в нечто.

Как заставить свет рисовать, как наполнить пустоту содержанием.

Как соблазнить женщину.

Meine Lieber Lieder!

Еще он знает, что такое ГУЛАГ и как там выжить.

— Что за день рождения без жареной картошки, — возмутилась однажды Лика.

Когда с Майей и Ликой мы вышли на площадь Сан-Марко, уже стемнело.

Три оркестра, не перебивая друг друга, добавляли в темное индиго неба полутона вальса и блюза.

Моцарт, Штраус, Бернстайн по очереди наполняли темноту волшебными звуками.

Известковая белизна ордера Прокураций висела в воздухе, как декорации, и казалось, что скульптуры, венчающие парапет крыши, тимпаны и шпили, танцуют в каком-то хороводе.

Кукольный театр собора Сан-Марко.

Завораживающее чудо из глины и камня.

Очевидно, Богу неведомо понятие красоты.

Иначе он разрушил бы этот собор, а не Вавилонскую башню.

Ты чувствуешь себя самоцветом в огромной резной шкатулке драгоценностей.

Византийское солнце разбилось на тысячи осколков, чтоб безудержная фантазия художников сложила из них мозаики. Хорошо бы остаться здесь на целый день, как в Софии, и вместе с лучами нового солнца скользить по стене.

Смальта за смальтой.

От руки к чаше.

От лика к лику.

От Юстиниана к Феодоре.

Потом к фотографии деда.

Потом к гипсовой Венере на шкафу,

Потом к папиной акварели — Злата улочка.

Я валяюсь на своем диване, как в детстве.

Идти никуда не нужно.

Из театра я ухожу.

«Прощальное представление» сыграли.

Странная профессия режиссер.

Берешь человека, и, как тубик с краской, выдавливаешь в нужном месте.

Какая радость ходить под дождем.

Какая радость ходить босиком по траве.

Моросит дождик в Градчанах.

Там, под навесом в кафе, сидит женщина,

я еще ничего про нее не знаю, но она создана для меня.

Погода бывает плохой и очень плохой.

Пронизывающий ветер и проливной дождь — это плохая погода.

25 миллирентген в час — это очень плохая.

После Чернобыля под дождем не походишь.

Киев поредел.

На Крещатике сплошь мужики, да незамужние.

Ни детей, ни воробьев.

Вино продают с 11 утра.

В моей мастерской двери не закрываются, а бутылки не кончаются.

Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно выпить сегодня.

Завтра может не наступить.

Итак! Хвала тебе, Чума!
Мы бредем с Нанкой по Стаространскому наместью.
Крутятся деревянные куклы на знаменитых часах.
Галдят мацевы на старом еврейском кладбище.
И такой же вкусный запах шпикачек на Вацлавской площади.
Все как с ее мамой.
Поезд Москва-Прага привез меня в Тбилиси.

Всходит солнце.
Загорается крест на Сурб-Геворке.
Тень от платана падает на плиту Саят-Нова.
И заходит солнце.
Вырезая черный силуэт Лавры на красном небе.
По Руставели, как по Крещатику, идет Параджанов.
На Хлебной площади евреи играют в нарды.
По узким улочкам деньги стекаются к ним и падают на доску.
Ду-бара. Чару-се.
На виа Тоledo брюлловская итальянка продает выжатый из своей
огнедышащей груди апельсиновый сок.
Потрескивают мидии на жаровне.
Три-два. Дубль пять.
Толстая негритянка в атласном лифчике от «Мосшвейпрома» ловит клиентов на Сен-Дени.
Качан с Витюней пьют кофе на Унтер-ден-Линден.
Шеш-беш. Ду-як.
Мадам Рекамье строит глазки мальчику с лютойней.
Тавромахия танцует пасодобль.
Рвутся каштаны в темное небо на бульваре Капуцинов.
И чайки — вечная клака — разгуливают по амфитеатру
в ожидании последнего акта.

В сад откройте окно, там деревья кричат бесновато,
Как утопленник, в песнь поплыву, поплыву безрассудно!
Пусть сорвется мой дом с якорей и помчится, как судно!

О жена! О друзья! Мне поистине нету возврата!

